

Эпицентр

Вместо предисловия

«Наша деревня Карку, стоящая на самом берегу Ладоги, до войны принадлежала финнам. Но для нас, родившихся здесь сразу после войны, Карку — родина. В окрестных лесах с детства знаем каждую дорожку и тропинку, в Ладогу наши мужья ходят за рыбой. Чище и здоровее воздуха, вкуснее воды на свете не найти, так мы считаем.

Но вот уже пять лет, как у нас работают геологи. Теперь скважины встречаем повсюду — в глухом лесу, на бывшем совхозном поле, на берегу озера, в двух метрах от огорода. Рядом — брошенный мусор. Могучие буровые машины ломают деревья, разбивают проселки. В общем, мы тут уже не хозяева. Хуже всего, что под нашей деревней нашли уран, по крайней мере, так говорят. И нам от этого страшно...»

Вера Ивановна Ларионова, завуч Салминской школы

ревенские жители на грани отчаяния — что теперь будет с ними? Природа явно оказала им медвежью услугу.

Урановый голод

В советские времена вряд ли бы кто взялся тут искать уран. На берегу прозрачной Ладоги? Под боком у пятиллионной Северной столицы? В центре живописнейшего Приладожья? Зачем, когда крупнейший в мире добытчик урана Советский Союз имел огромные месторождения в Казахстане (по объемам вторые в мире после Австралии), Узбекистане, при этом в достаточно пустынных, безлюдных местах. С распадом СССР Россия, имеющая 30 блоков АЭС, осталась с одним единственным действующим урановым месторождением Стрельцовское, что в Забайкалье. Оно едва обеспечивает половину годовых нужд атомпрома. Откуда атомщики берут вторую половину? Из запасов, накопленных до перестройки. Но их, по оценкам академика РАН Александра Портнова, хватит всего на 5—7 лет. Одним словом, уже сегодня над российскими атомными реакторами маячила тень уранового голода. Так считает ученый. Не поэтому ли, начиная с 1999 года, атомпром РФ участвует в финансировании поисковых работ на месторождениях

Владимир Кушнеренко. — Например, французы ведут поиск урановых руд в провинции Шампань, по соседству с известными всему миру виноградинками. И не удивляйтесь — все дело в размерах инвестиций, которые будут затрачены на «экологию». Если в предполагаемые разработки в Карку вложить серьезные средства, добыча тоже может быть безоплатной. Другое дело, окажется ли она при этом рентабельной? Российский уран и без того

— Тампонаж? А зачем? — улыбается симпатичный буровой мастер Эльдар Ахметов. — Всю жизнь так работаем. Со временем скважины сами заваливаются.

— В прошлом году мой колодец забурлил, словно кипящий чайник, — рассказывает Николай Устинович. — И вода в нем помутнела от глины. В это время примерно в километре работала буровая. Выходит, наши колодцы связаны со скважинами, как сообщающиеся сосуды?.. Что в них попадает?

министрацию Питкяранты, там должны знать. Только вот телефон у нас не работает — отключили из-за неуплаты».

Звоним из находящейся по соседству коммерческой фирмы. Зам. главы Питкярантской администрации местного самоуправления Владимир Звездинов тоже не совсем в курсе: «Вопрос не по адресу, мы только даем письменное разрешение на продолжение изыскательских работ. (?) — Л.З.».

бурения скважины. Куда деваются эти деньги?

Можно взять шире — такой народ не протестует против ввоза в страну 20 тысяч тонн ОЯТ, от чего отказались даже самые отсталые африканские страны.

Поисковые работы геологи планируют закончить в Карку в первом полугодии 2006 года. Результаты изысканий передадут в МПР РФ, которое, в свою очередь представит отчет федеральному правительству. За ним и окончательное решение.

Скажу по секрету: по мнению Владимира Кушнеренко, месторождения в Карку скорее законсервируют и оставят в резерве.

Ладоге светит урановое будущее?

Медвежья услуга

Тот, кто хотя бы раз побывал на Ладого, не мог не почувствовать могучую силу притяжения этого северного уголка. Вольная Ладога манит.

— У нас тут идеальные места для отдыха, — говорит зам. управляющего Салминской поселковой администрации Лидия Новожилова. — Пляжи песчаные на десятки километров, чистая вода, леса нехоженые. Только вот последнее время в Карку едут все меньше и меньше. Да и у нас, живущих здесь, душа неспокойна. А все из-за этого, прости господи, богатства, которое обнаружили под землей.

Пятнадцать лет назад ленинградские геологи выявили в районе деревни Карку урановое месторождение. И хотя первые скважины пробурили в начале 90-х, деревенские жители тогда об уране ни слухом ни духом — в те годы говорить о стратегическом ресурсе было категорически запрещено. Буровые машины вернулись в район Салми в 99-м. Пять лет назад и пополнило из дома в дом внушающее тревогу слово «уран».

Теперь уже геологи в открытую объясняют, что руда залегает на глубине 150—350 метров, что от поверхности ее отделяют мощные пласты ледниковых отложений и базальтовые породы, так что на человека таящаяся под землей радиация не действует никак.

Правда, до сих пор жители не знают, что под их деревней Карку, что в переводе с финского означает «медведь», находится уникальное — единственное в России — месторождение типа «несогласия». Его можно сравнить только с крупнейшими урановыми месторождениями Канады. На некоторых участках содержание урана в рудах достигает 19 процентов! Это редкий случай.

Геологи радуются. А де-

вых работ на месторождении Карку.

Перспектива голодной смерти отечественного мирного атома способна тронуть самое черствое сердце. Хотя погибнуть ему, безусловно, никто не даст — у науки и специалистов атомного ведомства существует целый ряд запасных вариантов наработки ядерного топлива. И все-таки стоит разобраться, кто виноват в создавшемся дефиците.

По словам того же Александра Портнова, до середины 90-х годов складские запасы урана в России достигали фантастической цифры — 220 тысячи тонн. При этом ежегодная потребность российских АЭС, а также станций, построенных СССР в Восточной Европе, составляет около 6 тысяч тонн. По-видимому, эти запасы показались тогдашнему премьеру — Виктору Степановичу Черномырдину — слишком обременительными. Так или иначе, но он принял решение о продаже почти всего урана США. Как утверждает академик Портнов, сделка состоялась не без ведома ельцинской «семьи», а вот предварительным обсуждением с учеными и специалистами премьер себя не обременил. Самое обидное, уран ушел за бесценок. После этого в России его осталось не более 20 тысяч тонн. Похоже, теперь атомпром готов на самые радикальные шаги. Хотя урановые разработки уже по своей природе не могут быть безопасными. Гигантское количество радиоактивных отходов, образующихся при его добыче, в виде пыли оседает в почвах, водоемах, постепенно превращая окрестности в зону экологического бедствия. Неужели «выдающиеся» политические и хозяйственные способности господина «Хотелось как лучше» обрекут Приладожье на эту горькую участь?

— Добычу урановых руд можно сделать и безопасной, — считает главный геолог ГП «Невскгеология»

ГП «Невскгеология» завершает поисковые работы на урановом месторождении вблизи Ладожского озера. Какое будущее уготовано Ладоге и жителям побережья?

очень дорог. Здесь требуются основательные расчеты.

Традиции у нас другие

В том, что французы не поспевают на «экологию», сомневаться не приходится. Щедлость же российских инвесторов вызывает сомнения. Ведь уже только на стадии разведки урана местное население Карку оказалось загнанным в угол.

— Посмотрите, что сделали с болотом, где всю жизнь мы собирали ягоду, — говорят в один голос супруги Надежда и Николай Устиновичи. — Бурильная техника изуродовала всю лесную подстилку, теперь лет десять нечего туда и носить. А дороги проселочные как разворотили — ни на мотоцикле, ни на велосипеде не проехать.

Но самое главное — буровики бросают открытыми скважины. Их в окрестностях деревни пробурено многие сотни. Народ поначалу с любопытством заглядывал в зияющие в земле «чертовы дыры» или торчащие трубы. Но потом на всякий случай стал держаться от них подальше. Ведь по технологии — а жители это выяснили достоверно, — скважины должны цементироваться.

— Буровики тампонируют скважины глиняным раствором, — объясняет начальник буровиков цеха № 1 ГП «Невскгеология» Петр (фамилию назвать отказался). — Водоносные горизонты должны быть перекрыты, чтобы по ним не распространялась вода, омывающая урановую руду. Но в том-то и вся заварка, что традиции у нас другие.

...Метрах в 600-х от берега озера слышим шум работающей буровой. Идем на звук.

Слепцы

— К нам никто не обращался, — комментирует главный геолог ГП «Невскгеология» Владимир Кушнеренко, с которым беседуем в его питерском кабинете. — При жалобах местных жителей мы компенсируем людям ущерб, причем весьма в солидных суммах. Нет у нас тревожных сигналов и от местной администрации, так что все в порядке.

До порядка далеко. Дело в том, что жители Карку и не догадываются о своих правах. Им об этом просто никто не рассказывал. Похоже, не догадывается о своих правах и местная власть. «Мы не представляем, опасны или нет геологические изыскания, — говорит Лидия Новожилова. — Документов никаких на этот счет не видели. Брошенные скважины? А разве такое есть? Давайте позвоним в районную ад-

У средневекового художника Питера Брейгеля старшего есть картина «Слепцы». Цепочка незрячих странников, держась друг за друга, следует за первым, который уже валится в пропасть. Так вот жители Карку и местные власти в чем-то напоминают этих персонажей. Они не протестуют против разбитых дорог, искореженного болота, незатопонированных скважин, кипящих колодезев, словно ничего не видят, а потому не понимают.

Такое население, вообще говоря, очень удобно. Оно не требует денежных компенсаций за поправное право на чистую окружающую среду, не настаивает на соблюдении технологий, хотя стоимость тампонирующей, по словам того же начальника бурового цеха № 1 Петра, составляет 8 процентов от стоимости

Геолог с почти 30-летним стажем считает, что Приладожье — трудно совместимое с урановыми работками место. Как ни крути, а священная Ладога, рядом — пятимиллионный Питер, опять-таки туристский рай... Тем более, сегодня в России уже идут испытания Долматовского месторождения в Зауралье, найден уран в южной части Новой Земли.

А вот коллега Владимира Константиновича — главный геолог Департамента госконтроля по Северо-Западному федеральному округу МПР РФ Алексей Лебедев — придерживается иного мнения: «Скорее всего, Карку будет выведен на промышленную эксплуатацию. Думаете, столько лет геологи будут трудиться впустую?...»

Итак, возможен тот и другой сценарий развития событий. Но чем больше мы будем напоминать персонажей Питера Брейгеля, тем вероятней разворачивание второго. И тогда прощай вольная Ладога...

Лина ЗЕРНОВА
(«Посев»)

Наш комментарий

По данным специалистов, в Карелии выявлено 8 месторождений урана и свыше 200 рудопроявлений урана (около 20 из них по своим параметрам близки к разряду месторождений) и несколько тысяч точек радиоактивной минерализации. Все они без исключения принадлежат девяти урановым и ураноносным металлогеническим формациям. Наиболее острую дискуссию со сторонниками разработки этих месторождений вот уже на протяжении нескольких лет общественность республики ведет в отношении Заонежья, где таких месторождений и рудопроявлений близких к таковым целых пять. Это так называемые комплексные медь-уран-молибден-ванадиевые (или уран-благородно-металло-ванадиевые, или уран-ванадиевые) руды, где главным рудным компонентом геологи счи-

тают ванадий. В республиканской целевой программе «Освоение недр и развитие горнопромышленного комплекса Республики Карелия на 2000—2002—2010 годы» есть даже такая подпрограмма «Ванадий Карелии». Но об этом в следующий раз...

Урановое месторождение тем и отличается, что по действующему законодательству окончательное решение о его разработке принимается на федеральном уровне. Конечно, должны учитываться мнения и местных властей, и населения. Но, как кажется, ни у кого в Карелии адекватного мнения на этот счет еще не сформировалось, даже несмотря на нарушения, допущенные в ходе поисковых работ. А, как известно, с радиацией шутки плохи...

«Ассоциация зеленых Карелии»